

"Он писал портреты, одни только портреты... Дальше этого он не шел, но это вполне стоит "Рая" Данте, всех Микеланджело, Рафаэлей и даже Греков"
Ван Гог

Франц Халс, 1581, Антверпен – 1666, Харлем

Пожалуй, "Цыганка" – самый веселый портрет Лувра. Впрочем, эту милую и плутоватую улыбку можно встретить на многих картинах Халса. Непонятно, откуда в 17 столетии взялся столь лихой мазок. Предвосхищая импрессионистов, Халс возвел в принцип идею "стоп-кадра". Даже в заказных портретах – острое впечатление момента.

Для метаморфозы скучного бюргера в нахального, петушащегося фанфарона, а фотографически-тоскливого группового портрета – в спланированный беспорядок случайных поз, нужен талант прямо-таки режиссерский.

Чтоб понять, откуда взялись эти полнокровные образы, нужно помнить о Голландии 1664 года. После нескольких десятилетий испанского владычества наконец-то добыта свобода. А Харлем – тот город, что пострадал от войны больше других. Перейдя в руки врагов, он был разрушен, вдобавок – опустошен пожаром. Поэтому вполне естественно, что ни в каком другом голландском городе после освобождения от испанской короны не кутили так бурно.

Этот веселый народ как нельзя лучше подходил под бравурную кисть Халса. Вот что писал Рихард Мутер о его мужских типах: "Упираясь рукой в бок, одно плечо выставив вперед, его мужчины стоят так, словно одного маленького движения локтем достаточно, чтобы бросить оземь всякого противника. Офицеры закрутили усы вверх, обвив стан шарфом. С видом, точно им плевать на весь мир. Но и штатские вертят перчатку в руках так, словно хотят ею ударить противника в лицо. Священники размахивают книгой так воинственно, как будто намереваются пустить ею в голову католику. Офицер на лондонской картине похож на гвардейского лейтенанта, губы его заострены, словно он насвистывает военный марш. Даже маленький горбун в Берлинском музее, который держит перчатку в руке, как пращ, чувствует себя Давидом, готовым вступить в бой с Голиафом".

Не менее характерны и сценки из детской жизни. В них напрочь отсутствует кроткая сентиментальность и застенчивость, которыми щедро одаривали чад прошлые мастера. Детки, возникающие в памяти при упоминании Халса – уж никак не субтильные малютки

с молитвенно сложенными ладошками. Скорее – бесцеремонные бедокуры и малолетние вояки. Из таких вырастают Нельсоны, д'Артаньяны, победители полтавских битв.

Замечателен вклад Халса в манеру написания групп. Он с треском разрушил закостенелую схему изображения монотонных лиц анфас.

"Групповой портрет стрелков гильдии святого Георгия" по меткому выражению одного исследователя – это пушечный салют, открывающий победное шествие "золотого века" голландского искусства. Такие портреты были практикой частой. Гвардия набиралась на определенный срок из гражданских лиц – врачей, торговцев, цеховых мастеров, а им – ах, как приятно было запечатлеть себя в военной форме.

Халс, сам бывший стрелок роты Святого Георгия, написал офицеров, конечно же, пирующими на банкете. Платил каждый, и нужно было умудриться сохранить равноправие всех изображаемых. Но - никакой казенщины, композиционной скованности и деланных лиц. Одно из лучших описаний "Стрелков", по моему, опять у Рихарда Мутера: "Ранние картины Халса изображают пирушки стрелков, и не случайно, что именно веселый пропойца Халс придумал этот мотив.

Преыдушие картины на эту тему были лишь соединением отдельных портретов. Они создавались так, как в наши дни фотографические группы резервистов, студенческих корпораций и турнферейнов, т.е. каждый вносил свою долю. И подобно тому, как во время пирушки стрелки зорко следили за тем, чтоб их порция была не меньше порции соседа, и на картине каждый из них хотел играть главную роль. Каждый получал удовольствие видеть свою собственную драгоценную особу вместе с мундиром, воспроизведенным так точно, словно речь шла о картине, рекламирующей военного портного".

ФРАНЦ ХАЛС

Автор: Ольга Карсева

